

Чэн Юй повернулся к присутствующим и сказал:

— Мы все знаем, что визит к родным — это древний обычай, это ожидание многих, кто уехал из дома, это кровная связь и тоска. Тогда я спрашиваю вас, кто бы стал возвращаться домой не днём, а ночью? Даже сейчас такое сочли бы неприемлемым. Тогда почему Цзя Юаньчунь, девушка из знатной семьи, с детства воспитанная в духе древних традиций, любимая наложница императора, осмелилась нарушить правила, вернувшись ночью?

— Император её не любил? Всё семейство Цзя не знало о традициях? Нет, объяснение только одно — Цзя Юаньчунь к тому времени уже умерла. Вернулась к родным только её душа.

Чэн Юй закончил и посмотрел на реакцию присутствующих. Только Хуан Тай уловил его мысль и продолжил:

— Я помню, что давно читал что-то похожее на твоё объяснение. Там тоже говорилось, что визит государевой наложницы Юань к родным — это поиск пути домой для души. Дворцовая жизнь была слишком одинокой, холодные отношения подталкивали её к этому. Цзя Юаньчунь была использована семьёй Цзя как разменная монета в сделке с древней властью. Её образованность и знатное происхождение стали причиной любви императора, но в дворце было много наложниц, и, как говорится, видят только улыбки новичков, а слёзы старых остаются незамеченными. Возможно, дни, проведённые в дворце в одиночестве и забвении, поглотили жизненную силу Цзя Юаньчунь. Визит государевой наложницы Юань к родным был громким событием, о котором много писали, но в словах Цзя Юаньчунь чувствовались жалобы.

— Да. Я внимательно пересмотрел сюжет. Возвращение домой должно было быть радостным и счастливым событием, но, судя по позиции Цзя Юаньчунь, её высокий статус только увеличивал дистанцию между ней и семьёй Цзя. Оковы феодальных традиций, словно заклинание, висели над её головой. Дом перестал быть домом, а родственные чувства стали роскошью.

Чэн Юй сделал паузу и продолжил:

— Вернёмся к нашему вопросу: кто тот, кто не должен существовать? Или кто в истории не должен существовать? Я уже изложил свои мысли, а Хуан Тай добавил кое-что. Теперь давайте поговорим о времени. В древности время было важным элементом, особенно для императорских и знатных семей.

— Они отправлялись в путь примерно в семь вечера и возвращались в час ночи. То есть они выезжали около семи вечера, прибывали в дом Цзя и уезжали около часа ночи. Спросите себя: если бы вы вернулись домой, стали бы вы выезжать в семь вечера и уезжать в час ночи? Древние люди придавали большое значение времени, месту и обстоятельствам, особенно в императорских семьях. Но мы не видим этого у Цзя Юаньчунь, любимой наложницы. Мы видим только холодные традиции, ограничения и отчуждение.

— И последнее: визит государевой наложницы Юань к родным в праздник Юаньсяо. Юаньсяо — это традиционный праздник, и его значение очевидно. И в такой важный праздник Цзя Юаньчунь, любимая наложница, вместо того чтобы остаться во дворце с императором, возвращается домой и остаётся всего на несколько часов. Визит домой из-за ограничений традиций и одиночества в дворце приносит лишь слабое утешение.

— Поэтому я утверждаю, что визит государевой наложницы Юань к родным — это последнее желание души перед смертью. И в этой истории Цзя Юаньчунь — это тот, кто не должен существовать, тот, кого не должно быть. А именно Ю Цзя, сидящая справа позади меня.

— Что?! — все ахнули.

Чэн Юй прямо указал, что роль Ю Цзя — это Цзя Юаньчунь.

Ю Цзя спокойно смотрела на Чэн Юя, и её реакция на раскрытие её карты персонажа была настолько спокойной, словно она была зрителем.

— Похоже, ты не собираешься отрицать мои слова? — спросил Чэн Юй.

Ю Цзя встала с лёгкой улыбкой:

— Если я отрицаю, ты оставишь меня в покое? Мне скорее интересно, как ты догадался, что я — Цзя Юаньчунь?

Она показала свою карту персонажа.

На маленькой карточке чёрным по белому было написано: «Цзя Юаньчунь».

Все замерли.

Хун Мэй не возражала, и Чэн Юй начал объяснять:

— Начнём с кодовых имён. Через два раунда тайного голосования и события, произошедшие между ними, я в основном определил кодовые имена и несколько карт персонажей. Только после второго раунда, когда Ван Ло был выбран с наибольшим количеством голосов, я определил оставшиеся карты персонажей. И совсем недавно я определил последние два кодовых имени: «Надоело» и «Баоцзы не так ароматны, как мантоу». Я долго не мог понять, какой человек мог выбрать такое кодовое имя. Но когда я понял судьбу Цзя Юаньчунь, всё встало на свои места.

— Когда человек голоден и замерзает, и баоцзы, и мантоу — это искушение и благословение. Но для тех, у кого есть выбор, ароматные баоцзы кажутся более привлекательными, а обычные мантоу остаются в стороне. Так же, как и Цзя Юаньчунь, знатная наложница, которая не беспокоилась о еде и одежде. Но в глубине души, я думаю, она больше любила мантоу из дома Цзя, чем баоцзы из дворца.

— «Баоцзы не так ароматны, как мантоу» — это воспоминание Цзя Юаньчунь о прошлом, это прощание. А кодовое имя «Надоело»... я сначала чуть не ошибся, но теперь понимаю, что это ты дала его Ван Ло, верно?

Ю Цзя села.

Но когда Хун Мэй добавила последний голос за Цзя Юаньчунь, она вдруг вскочила и выбежала из аудитории, исчезнув из виду.

Бабуля и Чэн Юй тут же бросились за ней.

— Эта дверь так легко открывается? — Чэн Юй оглянулся на дверь и спросил Бабулю.

— Это не Ю Цзя, — сказала Бабуля. — Возможно, её заменили в какой-то момент.

Чэн Юй остановился:

— Что? Как это возможно?

Он вспомнил все события, которые они пережили вместе, кроме того времени, когда они ели торт, и несколько раз, когда он расставался с остальными.

Один раз в бою с «Костяным духом», один раз, когда они поднимались на пятый этаж, и последний раз, когда они снова поднимались на пятый этаж.

Тогда в коридоре произошёл инцидент, и он задержался на некоторое время, и, кроме Гу Ши, все в тот момент потеряли связь.

— Бабуля, могу я спросить вас кое о чём? — Чэн Юй хотел уточнить некоторые детали, хотя в его сердце ещё оставались сомнения.

Бабуля замедлила шаг и обернулась:

— Спрашивай. Но если это связано с тестом, я ничего не скажу.

— Я понимаю. Я спрашиваю о другом. После того как Ван Ло увели, я помню, что Ю Цзя тоже вышла...

— Она хотела найти Ван Ло, но я её остановила, — сказала Бабуля.

— Она хотела найти Ван Ло, и вы её остановили? — Чэн Юй словно что-то понял и тут же побежал обратно в аудиторию.

— Подождите...

Когда Хун Мэй собиралась стереть «Цзя Юаньчунь» и «Баоцзы не так ароматны, как мантоу», Чэн Юй ворвался и выбил у неё из рук тряпку.

Бабуля вошла вслед за ним:

— Что случилось?

— Ю Цзя — не Цзя Юаньчунь. Если бы она была Цзя Юаньчунь, она бы не пошла искать Ван Ло. У них, в лучшем случае, были проблемы в отношениях, и она бы не поставила его под угрозу ради теста.

Бабуля спросила:

— Тогда что ты имеешь в виду?

Чэн Юй встал у доски, снова оглядел сидящих внизу и остановил взгляд на Сюй Инь. Он упустил один момент, думая, что, найдя временные нестыковки и сопоставив кодовые имена и роли, он сможет найти Цзя Юаньчунь. Но он забыл о тех трёх случаях, когда гас свет.

Если всё в аудитории 555 было отвлекающим манёвром, то три случая, когда гас свет, должны были соответствовать замене карт персонажей в аудитории 520.

Три замены. И до того как он предположил, что Ю Цзя — это Цзя Юаньчунь, наиболее вероятной кандидатурой была Сюй Инь, но он её исключил. Потому что именно Сюй Инь тогда призналась Гу Ши в своей роли, и Чэн Юй решил, что она не может быть Цзя Юаньчунь.